

005050688

На правах рукописи

Нурулла-Ходжаева Наргис Талатовна

**ОБЩИННОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН: ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ
И МОДЕРНИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

14 МАР 2013

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств.

Научный консультант:

Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты:

Афасижев Марат Нурбневич,
доктор философских наук, профессор,
зав. отделом комплексных проблем искусствознания
Государственного Института искусствознания

Савельев Виктор Васильевич,
доктор философских наук,
заслуженный работник культуры РФ,
профессор кафедры национальных
и федеративных отношений Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Тихонова Валерия Александровна,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой социально-философских наук
Московского государственного университета
культуры и искусств

Ведущая организация:

**Институт философии Российской
Академии Наук**

Защита состоится «04» апреля 2013 г. в 11 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 210.010.04, созданного на базе Московского государственного университета культуры и искусств, по адресу: 141406, Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, 7, корп. 2, зал защиты диссертаций (218 ауд.).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат размещен на сайте ВАК при Минобрнауки РФ «25» декабря 2012 г., разослан «02» января 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Т.Н. Сумина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Центральная Азия, так же как и весь мир, переживает на современном этапе цикл серьезных системных метаморфоз, сопровождаемых деструктивными социально-экономическими изменениями и духовно-нравственным кризисом. Процесс трансформации существовавших ранее социокультурных стереотипов и зарождения новых, связанных с комплексом современных социально-экономических явлений в мире в целом и пяти центральноазиатских республиках в частности, ставит перед индивидуумом все более усложняющиеся моральные задачи. Однако применявшиеся ранее для понимания и решения этих задач социальные ресурсы сокращаются – сознание человека начинает отставать от происходящих вокруг процессов, и его жизнь деперсонализуется. В связи с этим возникает закономерный интерес к местным общинам. Данный социокультурный институт в состоянии сохранить и усилить чувство стабильности, обеспечивая людей набором привычных духовно-нравственных и культурных ценностей, который не формируется в рамках индивидуальных предпочтений. И хотя община может вести себя неадекватно и даже проявлять агрессию по отношению к доминирующей политической системе – подобных примеров можно привести множество, – теоретически главной идеей общинной солидарности является мирная социокультурная интеграция в мировое сообщество.

Интерес к общинной культуре ширится со стороны самых разных научных дисциплин, включая философию, культурологию и т.д. В работах большинства исследователей говорится о том, что нравственно-регулятивная роль той или иной общинной единицы обусловлена рядом факторов, включая кумулятивный опыт сотрудничества, важнейшие моральные нормы и традиция диалога. Такой контекст актуализирует необходимость анализа разнообразия культур и разработки условий, стимулирующих толерантное отношение к миру и его культурному многообразию.

Проблема признания и исследования созидательного культурного потенциала общины является особенно злободневной для государств Центральной Азии. Данный регион выставляется как полигон применения методов глобализации (вестернизации), тогда как вопрос о том,

универсальны ли такого рода социально-политические идеи, не является решенным. В тоже время местный культурный контекст предполагает решение такого рода проблем путем сохранения действенного внутреннего механизма локальной общины внутри глобализирующегося мира без оказания предпочтения тому или другому. Именно по этой причине на первый план выходит анализ социокультурного репродуцирования общинности, то есть реставрация аксиологического понимания этого феномена как средства самоорганизации высоконравственной жизнедеятельности людей. Сам социокультурный феномен представляется в работе как особый критический фильтр, проходя который люди продолжают получать и передавать социокультурные ресурсы для восстановления и сохранения устойчивых добродетельных моральных качеств.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена следующими причинами:

- Важностью дискурса, основанного на онтологическом (или метафизическом) тезисе: не все в мире базируется на индивидуализме. Мы настаиваем на значимости культуры общинного сотрудничества и добродетельности, поскольку попытки трансплантации основанных на индивидуализме западных ценностей оказались неудачными, и многие народы региона, утратив старую систему ценностей и не обретя новую, оказались в состоянии социальной деструкции и духовной апатии.

- Значимостью теоретических и методологических принципов развития этического тезиса, имеющего две взаимосвязанные стороны: (1) рассматривается не просто индивидуум, а скорее индивидуум социальный, то есть член общины, членство которого ею подтверждается; (2) декларируется важность ряда ценностей, которые в меньшей степени востребованы индивидуалистической философией, таких как солидарность, традиция, добродетель и т.д., – тех этических принципов, которые могут функционировать и быть задействованы современными социальными акторами.

- Раскрытием значимости социокультурного феномена общинности через деэтицизирующееся современное общество, а также многовекторную природу общинности, которая определяется не только механической социальной инерцией, но и продуктивной способностью к выживанию в изменяющихся условиях.

- Необходимостью переосмысления и признания общины как особого социокультурного феномена, связанного с сотрудничеством, уважением, взаимодействием людей, с последующим его использованием в процессе межпоколенческой трансляции социокультурного опыта в современных условиях государственного строительства в регионе.

- Ценностью и значимостью мультикультурализма местного общества, глокализацией его социального ландшафта.

- Необходимостью социокультурного обоснования развития местного гражданского общества на фоне ценностных общинных ориентаций.

- Важностью воспитания подрастающего поколения в уважении к ценностям, исторически сформированным традиционной общинной культурой.

Степень научной разработанности проблемы. Обсуждение социокультурной проблемы общинности является, вероятно, одним из древнейших интеллектуальных направлений, формировавшим образ мысли о мире, в котором мы живем.

Об общинных ценностях написано в Коране, Библии, Авесте. О важности общинного сотрудничества писал Конфуций. Античные философы, и прежде всего Аристотель, признавали жизненно необходимой социальную активность людей, чья идентичность основывалась на традициях определенных общин-полисов. Идеи древнегреческих авторов были развиты средневековыми мыслителями Востока (аль-Фараби, Газали, Авиценна (Ибн Сина), Ибн Халдун, Туси), для которых человек был не просто индивидуумом как таковым — не просто «свободным агентом», независимым рациональным существом (будь то платоновский эйдос или позднее декартовский «*cogito*», кантовский нумен), — а скорее человеком-в-общине, признающим одновременно исламскую космополитическую этику и разумную индивидуалистическую ориентацию. Во многих литературных памятниках Востока есть упоминания об обязательствах богатых членов общины помогать менее удачливым, о толерантном и уважительном отношении внутри общины и между общинами оседлых народов, т.е. аграрных / городских оазисов и кочевников. Об этом же говорится и в таких общеизвестных эпосах, как «Гуруглы», «Кизжибек», «Манас», а также в поэме Фирдоуси «Шахнаме» и исследовании Низомулмулка «Сиёсатнаме».

Философы Нового времени, начиная от Т. Гоббса, И. Канта и до Г.В. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера и В.И. Ленина, фокусировали свое внимание на социально-экономических проблемах, выстраивая вертикальное представление о мире; целью предлагаемых ими преобразований было общество в целом, традиционная община к этому процессу не подключалась. Центральноазиатская традиционная культура компромисса и баланса не приемлет эту категоричность, ей претит отказ от накопленного социокультурного потенциала, т.к. в регионе принято считать, что нет человека, обязанного всем самому себе, будь то Ибн Халдун или Карл Маркс. Таким образом, анализ понятий «человек и его окружение» (*одам ва олам*, тадж.-фарси *عالمواند*) Ибн Сины, «сотрудничество» (*асабия*, араб. *عصبية*, *aṣabīya*) Ибн Халдуна, «индивидуализм европейского образца» Э. Тоффлера, идеи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, теории Л.Н. Гумилева об антропогенном факторе ландшафтообразования, теории Р.Г. Абдулатипова об этнонациональной философии — все это позволило диссертанту сделать вывод о важности влияния общинных институтов региона на развитие современной культуры республик Центральной Азии.

В целом интерес к общинности как социокультурному феномену во многом был инициирован многочисленными российскими изысканиями. Знаковые роли в этом процессе принадлежат демократам-западникам А.И. Герцену и Н.П. Огареву, стремившимся сохранить общинное «общечеловеческое образование» и с меньшими «издержками» обеспечить свободное развитие общества; славянофилам и народникам, исследовавшим феномен соборности на фоне общинного развития (А.С. Хомяков, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Ф.Д. Нефедов, С.М. Степняк-Кравчинский, Г.И. Успенский, А.И. Эртель); религиозным философам (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев), настаивавшим на важности общинных институтов и явившимися родоначальниками такого направления, как коммунитаризм (именно Н.А. Бердяев впервые предложил термин «коммюнитарность»).

Во второй половине XIX в. начинают также появляться труды по анализу общины в Центральной Азии — они принадлежат участникам первой Бухарской экспедиции 1841г.: М.М. Богословскому, А.А. Леману, Н.В. Ханыкову. Позднее публикуются исследования лингвиста

А.В. Старчевского, этнографов А.Д. Гребенкина и Ю.Д. Южакова, историков Н.И. Веселовского и В.П. Наливкина.

Среди центральноазиатских исследователей первые работы, посвященные общине, представили А. Дониш и Ч.Ч. Валиханов. Их идеи поддержали и развили джадиды в лице С. Айни, Т. Зехни, А. Мунзима, А. Мухиддинова, М.С. Хакима, А. Хамди, А. Фитрата, Ф. Ходжаева.

Первыми академическими трудами по общинности стали работы русских и советских исследователей М.С. Андреева, В.В. Бартольда, А.А. Семенова, А.Ю. Якубовского. Особое место в этом ряду занимает В.В. Бартольд, представивший целый спектр важнейших тем, связанных с общинно-племенной культурой народов региона, и делавший особый акцент на синтезе и взаимозависимости культуры кочевников и оседлых.

Позднее, общину не рассматривают как дееспособный социокультурный институт. Анализ многих советских исследовательских работ, посвященных общине в России и Центрально-Азиатском регионе, показал, что они в основном проводились в регистрационно-описательной (точнее, антропологическо-исторической) манере. Советская наука зачастую предписывала центральноазиатским ученым-философам публично отказываться от тысячелетнего культурного наследия, предлагая взамен ограниченное пространство советской идеологии. Однако наряду с негативным отношением к общине нельзя не отметить достижения той эпохи — создание культурной инфраструктуры, включая академические школы и современное искусство, а также появление блестящей плеяды советских философов, анализировавших достижения культуры региона. Перечислим их:

- С. Айни, А.М. Богоутдинов, М. Диноршоев, Б.Г. Гафуров, Р.М. Нуреев, З.Ш. Раджабов, Р. Хади-заде, А. Мирзоев в **Таджикистане**;

- Ж. Абдильдин, М.С. Бурабаев, Н. Джандильин, С.З. Зиманов, А. Касымджанов, Л. Науменко, Р.Б. Сулейманов в **Казахстане**;

- Э.Н. Абдуллаева, А. Ахмедов, М. Баратов, М. Вахобов, И. Муминов в **Узбекистане**;

- С.М. Абрамзон, Т.Д. Баялиева, М.А. Мокеев в **Кыргызстане**;

- М.М. Абаева, А. Джикиев, М. Дурдыев, А.Н. Кононов в **Туркменистане**.

Внедряя новую систему идеологических отношений, советские теоретики ввели и многочисленные инновационные принципы и институты, которые были освоены в регионе. Влияние новых подходов на традиционные социокультурные единицы, в том числе общины, было описано в работах известных российских ученых (Ю.В. Бромлей, М.О. Косвен, А.И. Першиц, Ю.И. Семенов). В отличие от Советского Союза, строившегося на принципах формального коллективизма, в Западной Европе и Северной Америке того периода единственно признаваемой платформой социально-экономического роста и расширения демократии был либеральный индивидуализм. Однако и здесь, и на Западе традиционные нормы и ценности (в том числе общинные) рассматривались как препятствие на пути социокультурного и экономического прогресса.

В последние десятилетия в исследовательских кругах тема общинности обсуждается в самых разных вариантах. Основная полемика развернулась вокруг классических понятий, выдвинутых еще М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Ф. Теннисом (*Gemeinschaft* – община, общность; *organic / mechanical solidarity* – «органическая / механическая солидарность»).

На постсоветском пространстве эти понятия осваивались параллельно с другими западными теориями, выдвинутыми признанными исследователями: Б. Андерсоном, Ф. Бартом, Э. Геллнером, Э. Гидденсом. Терминология по теме общинности значительно расширилась и сегодня включает такие понятия, как «вовлечение социальных единиц», «социальный капитал», «социокультурный институт» и т.д., подчеркивая тем самым возможности получения экономического стимула на базе развития и принятия в расчет местной культуры (Д. Колеман, Р. Путнам, Л. Ханифан) и гражданского общества (Д. Кола). Исследователи все чаще говорят о том, что культура общины может создавать и сохранять атмосферу доверия (Ф. Фукуяма, Р. Путнам), что она в состоянии снизить уровень расходов среди бизнес-институтов (М. Сторпер) и создать алгоритм решения коллективных проблем (М. Олсон). Такая трактовка проблемы приближает нас к коммунитаристскому пониманию общины.

Коммунитаризм западного образца возник в противовес концепции справедливости либерального философа Дж. Роулза. Анализ идей коммунитаризма позволил выделить в нем два основных направления: 1) исследования, авторы которых полагают, что либерализм с такими его базовыми компонентами, как индивидуализм и рациональность,

стимулирует дальнейшую фрагментацию сегодняшней цивилизации (В. Берри, А. Макинтайр); 2) исследования, авторы которых считают, что либеральное общество может успешно освоить коммунитаристские принципы (Р. Белл, М. Валцер, Ч. Тэйлор).

Своеобразным формализмом в изучении феномена общинности и клановости в Центральной Азии отличаются работы современных исследователей К. Давиша, К. Коллинса, П.Дж. Льенга. Общинность рассматривается ими лишь как политическая форма обретения власти. Для объяснения данного феномена перечисленные авторы практически не обращаются к таким понятиям, как культура, традиции и философия региона.

Одним из первых российских ученых, исследовавших общину как социокультурный феномен, расширив тем самым горизонты видения традиционных общинных ценностей, стал Р.Г. Абдулатипов. Он ставит во главу угла проблему человека и государства, давая понять, что пессимистически смотрит на возможности их взаимовлияния при дуалистическом развитии, не учитывающем малые социокультурные этнические общинные институты. Основой для подобного рода дискуссии служит представление о культуре как о многоплановом, многослойном образовании (Т.М. Дридзе, Л.Г. Ионин, Б.С. Ерасов, В.М. Межуев, Ю.М. Лотман, А.А. Пелипенко).

Исследователи Г.Д. Гачев и А.Я. Флиер вводят в научный оборот такие понятия, как «национальный образ мира» и «социокультурная организация». Профессор И.В. Малыгина анализирует сложнейший социальный феномен идентичности. Особый вклад в развитие понимания социокультурной значимости соотношения локального и глобального, специфических «картин мира» внесли такие ученые, как С.С. Аверинцев, А.Я. Гуревич, Г.В. Гриненко, В.С. Жидков, М.С. Каган, Ю.В. Китов, А.В. Назарчук, З.В. Удальцова, В.В. Чижиков, В.А. Тихонова, М.М. Шибаева. Им удалось расширить возможности использования сравнительно-исторического метода анализа культур.

Представители социогуманитарных наук все чаще обращаются к таким темам, как формирование определенного типа общинной культуры (К.О. Апель, А.С. Ахиезер, В.С. Библер, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, М.К. Мамардашвили, В.А. Ремизов, И.Н. Сиземская, Г.С. Померанц), диалектика общинного и индивидуального (Б.Г. Ананьев, Г.С. Батищев,

А.А. Гусейнов, Л.Н. Коган, И.И. Резвицкий), проблемы коммунитаризма западного образца (Т.А. Алексеева, К. Барт, Л.И. Блехер, Л.Б. Власова, А. Громыко, Б.Н. Кашникова, Л.Б. Макеева, Г.Г. Пирогов, А.В. Прокофьев, В.Г. Федотова, С.Г. Чукин), история развития общины (С.Н. Абашин, Л.Б. Алаев, О.Г. Буховец, С.Д. Зак, В.Г. Мальцев, Б.Н. Миронов, С.А. Панарин, Л.А. Чвырь, П.Н. Першин, С.В. Поляков, А.Н. Поляков, М.А. Рахматулин, В.Г. Тютявкин, Н.М. Ушаков).

Автор диссертации стоит на позициях центральноазиатского варианта коммунитаризма, особенностью которого — по сравнению с коммунитаризмом западного образца — является признание излишне категоричным деления на универсальные и общинные нормы. Исследуемый регион дает возможность убедиться в возможности сочетания двух принципов, т.к. вся его культура зиждется на представлении о том, что через общность одного человека с другим приходит понимание собственной сущности, своей природы. Эту идею выдвинул и развивает один из признанных таджикских экспертов в области общинного мультикультурализма М.З.Шахиди.

В Таджикистане смежные с общинностью темы, такие как местничество, регионализм, национализм, разрабатывают следующие исследователи: И.К. Асадуллаев, Р.Н. Асадуллаев, М.С. Асимов, Г. Ашуров, Х.Гафуров, К. Рахманов, Ш. Шоисматуллоев. Анализом общинно-племенных институтов занимаются ученые Казахстана (Ш. Кудайберды-улы, Н.Э. Масанов и др.), Узбекистана (А.А. Ильхамов, М. Матмурадова, З.Х. Орифхонова), Кыргызстана (Э. Уметалиев, Т. Ибраимов) и Туркменистана (Ш. Кадыров и др.).

Рассмотрению межкультурного взаимодействия России и Центральной Азии посвящены труды многих российских ученых (В.В. Наумкин, А.В. Малашенко и т.д.). В диссертации также приводятся исследования, проведенные международными организациями (Всемирный банк, Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), АЙРЕКС и др.).

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод о том, что в соответствующем зарубежном сегменте литературы проблемы общинного развития в целом рассмотрены, также проанализирован его современный период. Однако акцент сделан на европейских реалиях, или же, если речь идет о Центральной Азии, нередко

игнорируется местный социокультурный потенциал. Большинство современных исследователей фокусируют внимание на социальных, политических, экономических и экологических особенностях общинного развития, нередко смешивая эти области, что ведет к маргинализации темы общинной культуры в целом. При этом в работах зарубежных ученых эволюция общины и представление о ней как о возможной основе для формирования местного гражданского общества в целом все-таки отражены (пусть и весьма поверхностно), в то время как в исследованиях российских и центральноазиатских экспертов эта тема, как и анализ общинной культуры в условиях сегодняшних глобальных трансформаций, затрагивается весьма фрагментарно. К тому же большинство именитых философов-коммунитаристов (как на Западе, так и на Востоке) крайне редко обращаются к гендерной тематике при исследовании общинности. Все это подводит к необходимости восполнить образовавшийся пробел.

Объект исследования – социокультурный феномен общинности в Центральной Азии.

Предмет исследования – специфика формирования философских и методологических оснований общинности как социокультурного феномена и адаптационные возможности общинной культуры в контексте современной динамики становления центральноазиатских государств.

Цель исследования – проведение системного анализа теоретико-методологических оснований общинности как социокультурного феномена, выявление ее значимости, что предполагает решение следующих задач:

1. Представить философско-культурологический методологический обзор по социокультурному феномену общинности.

2. Раскрыть особенности концептуализации общинности как социокультурного феномена, исследовать также специфику понятия диалога в общинном категориальном контексте.

3. Выявить значение ценностно-мировоззренческого процесса становления и развития общинной культуры в Центральной Азии, сделать акцент на анализе проблем корреляции культуры кочевников и оседлых народов, в т.ч. на фоне исламских этнокультурных традиций.

4. Исследовать содержательную сущность дихотомных сопоставлений в общинной культуре, а также изучить условия возникновения атомистических парадигм в современном обществе.

5. Рассмотреть ценностно-смысловые доминанты традиционно-общинной культуры, охарактеризовать базовые функциональные и структурные принципы общинного развития в социокультурной динамике.

6. Выявить причинно-следственные аспекты сохранения гендерного дисбаланса в общинных институтах и проанализировать их с философско-культурологических позиций.

7. Представить перспективы развития социокультурного феномена общинности, исследовать возможности подключения его к процессу социализации гражданского общества. Показать общинный потенциал, его плюральность в процессе формирования неогуманистического курса гражданского общества.

Теоретико-методологической основой исследования явились ключевые положения, как классического философского наследия, так и современной восточной и западной философско-культурологической мысли.

Среди приведенных теорий мы выделяем, прежде всего, концепции русских и зарубежных философов и культурологов, внесших огромный вклад в разработку проблем общинности (Н.А. Бердяев, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, П. Сорокин, С. Хантингтон) и циклизма (Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, Ибн Халдун, Э. Тоффлер, О. Шпенглер).

Принципиально важной для исследования является коммунитаристская теория (Р. Белл, В. Берри, А. Макинтайр, Ч. Тэйлор, М. Уолцер), сформировавшая проблемное поле современной философии общины и ее концептуальный методологический аппарат.

Методологически ценными и значимыми для работы являются труды российских ученых (Р.Г. Абдулатипов, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, И.В. Малыгина, В.М. Межуев, А.А. Пелипенко, Т.Н. Суминова, А.Я. Флиер, М.М. Шибаева), а также центральноазиатских исследователей, сформировавших теоретико-методологические предпосылки анализа общинных культурных процессов (И.К. Асадуллаев, Р.Н. Асадуллаев, Г. Ашуров, А.А. Ильхамов, Ш. Кадырова, М. Матмурадова, З.Х. Орифхонова, К. Рахманов, М.З. Шахиди).

При написании диссертационного исследования автор опирался также на работы таких ученых, как Ш. Акинер, А.А. Аронов, А.С. Ахиезер, М. Вебер, Г.В. Гриненко, Э.Дюркгейм, В.М. Межуев, Ю.В. Китов, В.А. Ремизов, исследовавших различные аспекты социально-культурной регуляции, в частности диалектику социокультурных общинных систем.

Методы исследования. Специфика предлагаемой темы требует особого теоретико-методологического подхода и специфического философско-культурологического и социокультурного анализа. Отличительной чертой данного исследования является отказ от широкого понимания культуры, которая в нашем случае рассматривается как диалектическая система социальных взаимоотношений между вовлекаемыми акторами. Полагаем, что, не прибегнув к такого рода ограничению, было бы сложно провести обобщенный социокультурный анализ общинности. Понятно также, что не существует морально нейтрального и, соответственно, идеологически «невинного» способа изучения общинной культуры. Все методы нормативны, и, думается, большинство из них не позволяет напрямую отразить богатство общинной культуры и контекст, в котором она существует.

В работе использован общенаучный метод исследования – междисциплинарный синтез структурно-типологического, историко-типологического, а также индуктивного и феноменологического методов. Также применяются три других методологических принципа: коммуни-тарный подход, компаративистика и интуиция. Комбинация столь разнородных принципов в наибольшей мере позволяла раскрыть характер такого социокультурного феномена, как общинность.

Наконец, еще одна важная методологическая особенность работы. В философии и культурологии большинство мужчин-исследователей, рассуждая о человеке, на самом деле имеют в виду только мужчин. Для нас такой подход неприемлем, т.к. речь идет о месте женщины в обществе. То же самое происходит при изучении темы общинности: многие исследователи просто игнорируют гендерную разнородность человеческого сообщества. Мы же пытались по мере возможности последовательно проводить различие между ситуациями, когда мужчины и женщины общины предстают в качестве некоего обобщенного, собиратель-

ного актора, и ситуациями, когда принципиально важно представить их по отдельности.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что изучение социокультурного феномена общинности вызвано необходимостью философско-культурологического осмысления нелинейности мира и признания огромного влияния общины на развитие культуры Центральной Азии. Такой угол зрения позволяет выявить непризнанный социально-творческий и социокультурный потенциал общинности и инкорпорировать его в сегодняшнее, все более деэлитизирующееся общество. Ценностно-смысловое понимание значимости социокультурного резерва общины является своеобразной рефлексией ценностей традиционной общинной культуры. Дальнейшее развитие этого направления исследований состоит в сбалансированной адаптации имеющихся коммунитаристских теорий и дополнения их менее известными работами по изучению потенциала центральноазиатских общин для создания более полного представления об общинной нравственности и духе сотрудничества.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится систематический анализ теоретико-методологических оснований общинности как социокультурного феномена. Основные результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1. Представлен философско-культурологический методологический обзор по социокультурному феномену общинности.

2. Проанализированы и подвергнуты классификации имеющиеся дефиниции общины. На основе выявления сущностных, функциональных характеристик данного социокультурного феномена представлен авторский подход к понятию «общинность». Обоснована значимость диалога в развитии современной общины.

3. Определены особенности историко-культурологического контекста становления и развития феномена общинности, проанализированы взаимовлияния общинной культуры кочевников и оседлых народов в исламском контексте.

4. Исследованы дихотомные сопоставления в общинной культуре, рассмотрен механизм рецепции таких сфер, как национальная и общинная; общинная и индивидуальная; община и государство. Дан деталь-

ный обзор наблюдаемых атомистических парадигм в Центрально-Азиатском регионе.

5. Выявлены основные ценностно-смысловые доминанты традиционной общинной культуры, исследованы функциональные и структурные принципы общинного развития. Проанализированы понятия «традиция», «традиционная культура», представлены их структурные основы. Философско-антропологическое осмысление традиций позволило акцентировать внимание на циклическом характере взаимодействий общины и государства. Выявлена специфика феномена самоуправления в общине. Обосновывается актуальность общинной солидарности как важнейшего механизма борьбы как с бедностью, так и с ростом радикальной индивидуализации в обществе.

6. Применен авторский метод анализа гендерных ролей, позволяющий выявить сферы ответственности мужчины и женщины в современных общинных институтах.

7. Показана специфика эволюции и функционирования местного гражданского общества, базирующегося на общинной культуре, что позволило проанализировать роль общинного потенциала и ее плюральности в формировании неогуманистической идеологии гражданского общества.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней представлен философско-культурологический анализ центральноазиатского феномена общинности. Данный анализ позволяет зафиксировать возможные пути эволюции всей сферы социальных проектов, указать на значимость в этом процессе общинности и ее нравственных ценностей и смоделировать методологические механизмы прогнозирования дальнейших трансформаций, что актуально для понимания культуры.

Практическая значимость состоит в том, что результаты данного исследования могут быть использованы для укрепления авторитета общинной морали в предлагаемых социально-политических и социально-экономических условиях развития государств, так как позволяют возродить позитивную оценку ее ценностей для сегодняшнего мира и будущих поколений. Также представленные результаты могут быть использованы в программах различных межгосударственных объединений, таких, например, как Евразийский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайская организация сотрудничества.

Исследование и его результаты могут стать основой комплексной программы по созданию Центрально-азиатского института изучения потенциала общины.

Выводы диссертации могут быть использованы для преподавания в высшей школе таких гуманитарных дисциплин, как история и теория культуры, философия, культурология, а также при проведении социокультурных исследований, касающихся Центрально-Азиатского региона и коммунитаристского направления в целом.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация, посвященная анализу значимости социокультурного феномена общинности, соответствует п.2.2. «Культура как ценность и как понятие. Причины бесконечного многообразия определения культуры», п. 2.11. «Культурно-исторический процесс», п.2.13. «Моральная ценность культуры», п.2.22. «Философская герменевтика как философия культуры», п. 2.26. «Постмодернистская философия культуры» паспорта специальности 24.00.01 - Теория и история культуры (философские науки).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Философско-культурологический методологический обзор по социокультурному феномену общинности доказывает сложный комплексно-сквозной характер данного явления. В работе обосновывается, что возрождение интереса к изучению традиционно-общинной культуры не является альтернативой критике современности. Это лишь средство для расширения и углубления методов ее непрерывного инспектирования. Такая схема ведет к отказу от обобщающих историко-типологических понятий и позволяет дифференцировать этапы исторического развития, возвращаясь к наиболее важным социальным понятиям, в нашем случае – к общине.

2. Концептуализация феномена общинности, происходящая на фоне осознания роли индивидуума и самой общины, ведет к признанию многоуровневого нелинейного уклада существующих социокультурных отношений. Понятие общины как социокультурного феномена вводится на основе серьезного междисциплинарного анализа и в сравнении с другими социокультурными единицами, что позволяет выделить такую ее сущностную характеристику, как стремление к устойчивым моральным ценностям, благодаря которой в дальнейшем общины будут выполнять

схожие функции. Рассмотрение общины не только в историко-антропологическом, но и социокультурном разрезе дает возможность выделить ее функциональные и структурные характеристики, а также определить ее значимость в процессе сохранения и развития жизненных ценностей (стремление к счастью), ценностей межличностного общения (благородство, доброжелательность), духовно-нравственных и мировоззренческих качеств, что позволяет говорить о важности и весомости общины в современном мире.

3. Общинные ценности активно подвергались партикуляристской стандартизации в контексте сложного гетерогенного общества, каким была и остается Центральная Азия. Начиная с эпохи Заратустры и до времени советизации для данного региона было характерно интенсивное чередование фрагментаций и объединений государственных единиц с преобладанием общинных типов культурно-хозяйственных отношений. Особый синтез культур оседлого и кочевого народов, а также комбинация персидско-тюркского иерархизма с арабо-афганским эгалитаризмом определили полиэтничность и культурное многообразие всего региона. Важнейшим элементом этой сложной системы веками оставалась способность общины адаптировать чужестранцев, сплачивая людей на основе нравственного, религиозного, эстетического взаимодействия и содействуя, таким образом, оформлению традиционного для любой общины стремления к общему благу для всех и каждого.

4. Стремление к сбалансированному соотношению индивидуально-группового – одно из главных направлений развития любого социокультурного института, включая общину. В самом этом слове явно обозначена актуальность таких понятий, как *общее* и *общение*. Люди, живя в общине, владеют и пользуются всем сообща, а общение, обсуждение является единственно возможным путем, позволяющим сохранить общие материальные и моральные ценности. Однако нынешняя радикальная атомизация общества сопровождается ростом нестабильности и утратой веры в долговременные социальные перспективы. Комбинирование и учет общинных норм, касающихся сотрудничества, в государствах региона может способствовать рождению нового варианта аристотеле-авиценновской модели общины, которая напомнит о том, что человек – это, прежде всего его добрые отношения с другими людьми.

5. Значимость ценностно-смысловых основ традиционно-общинной культуры представлена через своего рода циклический переход от этапа игнорирования общины к постепенному возвращению к ней. Отсюда идея демонстрации социально-исторического вклада общины в развитие культуры и социального бытия в понятиях единого жизненного цикла (об этом говорил еще Ибн Халдун). Важно также учитывать, что община — это не только социальный институт, но и «сеятель» культуры сотрудничества, транслируемой через добродетельный механизм аккумуляции социального капитала и сохранения принципов самоуправления на местах. Такой подход дает основу для целостного видения стратегии человеческой жизни, опирающейся на морально просчитанную социально-философскую рефлексию, и, что еще важнее, для восстановления гармонии в отношениях человека и общества.

6. Изучение общинной культуры, ее истинная интерпретация могут стимулировать отказ от жесткого ограничения и выбора, приводящего к сегодняшнему гендерному дисбалансу в обществе.

7. Социальные условия жизни были подвержены эволюционным трансформациям, строившимся на основе опыта поколений. Однако современное общество впервые в истории продемонстрировало масштабную социальную дезинтеграцию, приведшую к неоднозначной оценке прежних моральных устоев. Анализ данной ситуации явно показывает необходимость присоединения общины к процессу формирования неогуманистического гражданского общества, что, в свою очередь, может послужить основой для глокализации — синтеза сохранившихся плюральных ценностей местных общинных институтов с новациями глобализации.

Апробация результатов исследования. По теме диссертационного исследования опубликованы 2 монографии, 26 статей (14 из них в 4 журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ).

Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались автором работы на международных и общероссийских конференциях, наиболее значимыми из которых являются: Всемирный форум духовной культуры (Астана, Казахстан, 18–20 октября 2010 г.); Московский форум культуры «Культура как стратегический ресурс России в XXI веке» (1 июля 2010 г.); международная конференция

«Постсоветские государства: две декады перехода и трансформации» (Университет имени Дж. Неру, Дели, Индия, 1–3 ноября 2011 г.).

При написании работы автор опирался на собственный практический опыт, приобретенный в результате работы в международных организациях и благодаря многочисленным встречам с представителями различных общин стран Центральной Азии, а также Афганистана, Йемена, Индии, Китая и т.д. Эти интервью дополнялись многочасовыми беседами и консультациями с главами общин и представителями многочисленных местных неправительственных организаций.

Основные положения и выводы диссертационной работы были использованы при разработке учебных дисциплин «Философия», «Культурология», а также «История Центральной Азии» (последний на англ. яз.), читаемых в Технологическом университете Таджикистана.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств 14 мая 2012 года (протокол № 13).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность работы, анализируется степень научной разработанности проблемы общинности, формулируется гипотеза исследования, определяются его цели и задачи, выявляется теоретико-методологическая основа, раскрываются научная новизна и практическая значимость полученных результатов, устанавливается соответствие содержания паспорту научной специализации, формулируются основные положения, выносимые на защиту, даются апробация и внедрение результатов диссертационной работы.

Первая глава диссертации **«Проблема соотношения предмета и метода исследования применительно к изучению общинности в Центральной Азии»** посвящена общему анализу методологического инструментария, адекватного особенностям изучаемого объекта.

В первом параграфе **«Теоретико-методологическая значимость изучения природы и динамики общинности»** представлены обзор ис-

следовательских работ по общине и анализ методологических основ. Рассматриваются предпосылки возникновения и развития данного исследовательского направления. Автор предполагает, что программы социокультурных общинных единиц на протяжении всей истории могут быть определены как «стратегия разумных существ, имеющая целью их выживание» (С. Лем), так как подобная сеть повышала адаптационный потенциал всего общества, а также стимулировала возникновение и сохранение новых социокультурных институтов. Тогда как упрощенная схема государственной монополии, не включавшая активные общинные единицы, могла замедлить развитие социокультурных отношений. Такой расклад объясняет внимание исследователей к процессу формирования и сохранения общинности как социокультурного феномена, который они определяют как алгоритм формирования культуры, диктуемой обществом и природой, в чьих границах живет человек. Перспектива признания феномена общинности в контексте глобализации показана в работе через увеличивающуюся предметную специализацию и попытки новой периодизации истории, которые отражены в теоретических поисках значимости общины. В работе рассматриваются исследования, опиравшиеся на следующие теории: 1) линейную; 2) билинейную или многолинейную; 3) циклизма.

Анализ основных методологических установок в купе с изложением базовых тезисов и концепций, использованных в работе, а также краткий обзор субстанциональных аспектов конфронтации общинности и индивидуализма позволяют автору сделать вывод о дальнейшей деформации морального облика человека в контексте продуцирования и расширения хаотичной энергии и возникновения угрозы растворения человеческого «я», рассматриваемой как наиболее фундаментальный вызов человеку, порождающий «волю к смерти» (Р.Г. Абдулатипов). Скоротечное «выравнивание» и перенимание проевропейских форм государственности во всех пяти странах Центральной Азии свидетельствуют об отсутствии стремления к сохранению и формированию общинной добродетели, а также о замене общинной солидарности экспертным знанием и подобострастным клиентелизмом. Местная (ранее партийная) номенклатура благодаря быстрой либерализации превратила многие секторы экономики в клановые олигополии, что приводит к уменьшению в регионе культурного многообразия, наступлению эры радикального ин-

дивидуализма, а также к глубочайшему кризису идентичности. Именно такую ситуацию имел в виду К.С. Леонтьев, когда писал, что «индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций».

Однако «все-таки жить, не позволяя при этом калечить свое мышление и свой образ действий» (А.М. Хьюбер) необходимо. Эта «необходимость» осознается интуитивно, в связи, с чем интуиция рассматривается как один из методов исследования. Без нее изучение феномена общинности может потонуть в пучине абстрактных рассудочных доказательств. Многие философы Востока, среди них Авиценна и Ибн Рушд, говорили об интуиции в связи с основными принципами исламской религиозной этики, такими как толерантность (араб.: *صبر* сабр) и благодать (*шукр* араб. *شكر*), облегчающими естественное принятие многомерности мира и в определенной степени сближающими ислам с коммунистической критикой радикального индивидуализма.

Не менее важным методом исследования является компаративистика, дающая возможность отобразить в работе многомерность общинной культуры. Этот метод открывает дорогу признанию традиционных неформальных институтов через подключение особого рода исторического морфогенеза, стимулируя при этом междисциплинарный подход к изучению потенциала самоорганизующихся общинных структур. В этой связи автор подробно анализирует тезис о статичности традиционного общества, который до сих пор защищают многие исследователи, не аргументируя свою точку зрения, и доказывает, что общине свойственны гибкость и способность адаптироваться к изменяющимся условиям бытия.

Во втором параграфе *«Проблемы концептуализации общины как социокультурного феномена»* анализируются исследования, авторы которых подробно описывали и обобщали сложнейшее понятие общины. Различные дефиниции, взятые из историко-этнографической, а также справочной литературы, являют хрестоматийный, зачастую упрощенный подход к общине как к небольшому коллективу. В этом случае община становится чем-то средним между домашним хозяйством (точнее, семьей) и городской или районной администрацией.

Другое направление концептуализации общины связано с «концепцией, оспариваемой по существу» В. Галли. Речь идет о концепциях, обсуждение которых неизменно вызывает бурные споры и имеющих каждая свой список критериев. Такой список изначально кажется доста-

точно громоздким, но в ходе обсуждений одни критерии признаются значимыми, другие же отбрасываются как несущественные. В ходе этих трансформаций может измениться трактовка самого понятия. Автор предпринимает развернутый анализ общин в исследованиях, проведенных Х. Батчером, М. Вебером, Э. Гидденсом, Э. Дюркгеймом, Е. Линдемано, П. Сорокиным, Ф. Теннисом, рассматривая предложенные ими дефиниции общин в разрезе «концепции, оспариваемой по существу», и доказывает, что перечисленные критерии, какими бы специфическими они ни были, не ведут к самоизоляции общин. Речь идет скорее о соблюдении моральных норм, способствующих установлению гармонии внутри общины. В этой связи анализируется значимость диалога в современной общине. Автор доказывает, что исследование общинного диалога относится к сфере культурологии, так как именно эту науку интересует культурно-смысловой ряд, выраженный в образах, знаках, традициях и т.д. При этом диалог это стремление к достижению обоснованного компромисса или обмен информацией, необходимой для общинной жизни. Наличие диалога в общине свидетельствует о принятии ею множественности и разнообразия, что позволяет избегать насильственной стандартизации социокультурных устоев. Диалог также в состоянии стимулировать / активизировать возникновение «коммуникативной рациональности», понятие, выдвинутое Ю. Хабермасом – как способности аргументировано говорить.

В данном параграфе также приводится авторское определение общины, согласно которому она является многовекторным институтом, обладающим неизрасходованным потенциалом установления внутренней гармонии внутри себя и в отношениях к внешнему, как социокультурному, так и природному миру; отличающийся также относительной резистентностью к индивидуальным приоритетам и внешним модификациям. Этот институт отличается особой аристотеле-авиценновской социокультурной и исторической устойчивостью во имя общего блага, и позволяющей предположить, что будущие общины смогут выполнять схожие функциональные обязанности. Также анализируются основные типы современных общин, имеющихся в регионе: семейная, соседская общины, община как неправительственная организация, религиозная община.

Во второй главе «**Аксиологический анализ феномена общинности в Центральной Азии как культурно-исторической целостности**» на основе социоисторического подхода проанализировано развитие феномена общинности. О важности данного феномена свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки, например казахская: «Жаяудың шаңы шықпас, жалғыздың үні шықпас» («От пешего пыль не поднимется, от одинокого звук не раздастся») или таджикские: «Барои тарбияи як кӯдак як гузар лозим аст» («Для того чтобы вырастить одного ребенка, нужен целый квартал»), «Дасти як-ка садо надорад» («Одной ладонью хлопок не сделаешь») и др.

В первом параграфе «**Ценностно-мировоззренческий контекст становления и развития общинной культуры**» рассматривается общий фон развития общинной культуры. Анализ концепции «прасимвола», выдвинутой О. Шпенглером, позволяет диссертанту использовать ее для определения «прасимвола» Центральной Азии, понимаемого им как «баланс». Автор утверждает, что данный регион способен воссоздавать все сущее в виде парных сфер – социальной и культурной. Доказывается, что община не принимает конструктивные противоречия между этими сферами, так как ее жизнедеятельность основана на их сбалансированном взаимодействии. Для общинной жизни важно не равенство (понимаемое как похожесть, одинаковость) этих сфер или же наличие противоречий между ними – гораздо существеннее соблюдение закона дуальности восточного образца, сформулированного еще Заратустрой, полагавшим, что нарушение баланса внутри культуры и социума может привести к обособлению и стагнации системы в целом.

В современной Центральной Азии все еще можно найти как сходные, так и различающиеся образцы культуры. Уникальность ситуации состоит в наличии деликатного баланса между общинами ранее кочевых и оседлых народов, веками проживавших вместе на этой территории и использовавших культуру как особый фон совместного существования. Необходимость сохранения баланса через культуру автор доказывает на примерах различных государств, в частности первой мировой империи – Ахеменидов (VI в. до н.э.), включившей в свой состав Центральную Азию, а также многочисленных держав, копировавших государственное устройство Ахеменидов. Главной причиной популярности этой модели было умение династии не посягать на существовавшее в регионе

миропонимание и не нарушать сложившийся баланс сил. Такое динамическое равновесие, отмеченное в период формирования культуры региона, дало ему креативный импульс, точнее, заложило механизмы адаптации и переосмысления самых разных культурных течений, включая наследие прошлого. В этом контексте смысл истории региона – в интенсивной динамике культурной торговли, существовании многочисленных диаспор и культурного многоцветья. На таком фоне несложно рассредоточить исторические социальные реалии – от сконструированных историками моделей до реально функционирующих традиций общины, – что, несомненно, важно для данного исследования.

Анализируются кочевой и оседлый образы жизни (по Ибн Халдуну, *бадавах* ([*badawah*] (араб. بدوي)) и *хадаррах* ([*hadarah*] араб. حضري)), многовековое сосуществование которых способствовало становлению в регионе режима социокультурного симбиоза, т.к. уязвимые земледельцы и агрессивные кочевники были экономически и социально зависимы друг от друга.

Используя метод компаративистики, диссертант сравнивает Ближний Восток с Центральной Азией. Несмотря на географическую близость и объединяющий исламский фактор, в регионах сформировались разные общинно-племенные системы: персидско-тюрко-монгольский иерархизм (цефальная система) и арабо-афганский эгалитаризм (ацефальная система). Рассматривая условия развития этих систем, автор сравнивает экоплатформы обеих культур, различия между которыми привели к оформлению разных этнонациональных путей развития. Параграф завершается анализом господствующей в регионе религии – ислама, а также его влияния на развитие феномена общинности.

Доказывается, что социальные структуры общинного типа, сохраняясь веками, не противоречили базовым религиозным установкам, поэтому ислам в его светском облике ранее принимал и все еще принимает многообразие как естественный закон, поскольку создает условия для производства орудий труда и формирования идеалов (которые всегда должны быть разными). Такой ислам сам по себе не является источником конфликтов, каким его часто пытаются сегодня представить.

Таким образом, происходившие в местном обществе изменения могут быть поняты только из его конкретно-исторических обусловленных переходов из одних состояний в другие. Человеческое общество в отли-

чие от биологических «сообществ» *принципиально исторично*. Так что самая, можно сказать, глубокая сущность *homo sapiens* – общественно-историческая. Человек есть то, что из него делает история. Значит, говоря о человеческих общностях, всегда следует говорить об *исторических общностях*. Значение исторических общностей и социальных групп состоит в том, что они опосредуют вхождение отдельного индивида в общественное целое. Иногда говорят, что общество состоит из людей. Но куда более верно другое суждение – общество состоит из тех или иных общностей, больших и малых социальных групп.

Во втором параграфе второй главы «*Принцип дихотомного анализа применительно к рассмотрению общинной культуры*» рассматривается роль дуальных динамических процессов в формировании и развитии общины. Анализируются методологические основания теории общины и нации, сформировавшихся в регионе после Октябрьской революции (1917 г.). Накопленный социальный багаж – симбиоз общинной культуры кочевников, земледельцев и *сарттов* (горожан) – игнорировался, зато была введена новая идентичность: нация. Позднее, на новом витке идеологической борьбы, было объявлено о появлении нового типа личности – *homo soveticus*. Таким образом, был инициирован запуск централизованного бюрократического механизма социальной безопасности, что снизило значение общинных традиций.

Возможно, тогда, в советский период, увлекшись теориями макро-структуры общества (платоновскими «двойными стандартами»), мы несколько упустили из виду важность и значительность его микро-структуры. Тогда как малая социокультурная группа, между членами которой господствует своя особая культура и благодаря которой существует непосредственный контакт, во-первых, облегчает вхождение индивида в крупное социальное целое, во-вторых же, роль малых, добровольно сформированных групп резко возрастает при создании гражданского общества (подробнее об этом говорится во втором параграфе третьей главы). Иначе говоря, общество целесообразнее представлять как аристотелевскую «ассоциацию ассоциаций».

В известном смысле человек и общество – одно и то же. Когда мы повторяем вслед за Марксом «человек в своей сущности есть не что иное, как совокупность общественных отношений», мы высказываем нечто само собой разумеющееся, даже тавтологическое. Если рассмот-

реть вопрос с самой общей методологической позиции, то для системного мышления целостная система и ее системный (системообразующий) элемент суть одно и то же. В органическом целом (в том числе, определенным образом понимаемом социуме) нет частей: любая «часть» служит представителем целого.

Это тем более верно для малой социальной группы, каковой является община. Значение малых групп столь велико, что они могут рассматриваться как «первичные клеточки» (или ячейки – как говорили о семье) общества. В современной культурологии, а также в социальной философии большое значение придается тому воздействию, которое коллективные представления, выработанные в малой группе, оказывают на сегодняшнюю культуру людей, подчиняя их локальному «общественному мнению» - мнению их непосредственной среды. Исследуя этот момент, автор предполагает, что культура Центральной Азии на протяжении долгой истории формировалась как «культура стыда». Стыд ощущается человеком, когда он / она знает, что за ним наблюдают, о нём\ней активно говорят люди в общине. Поэтому для того чтобы понять жизнь той или иной культурной среды, необходимо исследовать существующие местные социокультурные единицы, а также формы общения в них, механизмы принятия решений, возможности для самораскрытия личности, проблемы лидерства в таковых.

На примере того, как действуют общинные принципы в некоторых странах Восточной Азии, автор доказывает, что групповые ориентиры этнического характера, основанные на традициях, могут представлять собой набор культурных форм, через которые этнические группы воплощают смысл своего существования, достигают поставленных целей, регулируя современную социально-экономическую жизнь.

Отталкиваясь от сравнительного обзора работ Аристотеля, Авиценны и Т. Гоббса, посвященных общинности и индивидуализму, диссертант делает акцент на коммунитаристских идеях. Их содержанием является стремление отыскать новый баланс между социальными правами и правами индивидуума, а также обозначить ответственность сторон за развитие современной культуры и общества.

Человек и малая социокультурная группа – это только один из вопросов. Не менее важным является вопрос о соотношении государства и общины в разные исторические периоды. Он позволяет проанализиро-

вать диалектику их взаимодействия в Центральной Азии. В досоветский период два эти института действовали в регионе иногда сообща, иногда сильно врозь, но на протяжении всей своей истории были взаимозависимы. Так, общины, хотя и проводили альтернативную политику, тем не менее, вместе с государством решали важнейшие социокультурные проблемы. Советский Союз стал первым государством, оформившим новые отношения в регионе, специфически соединившие в себе западную и восточную традиции. Однако эта форма не благоприятствовала сближению Востока и Запада. Нынешние независимые государства Центральной Азии отчасти продолжают политику такого искаженного симбиоза.

Диссертант формулирует собственную концепцию развития сегодняшних государств, предусматривающую возможность адаптации и принятия накопленного традиционного социального багажа и постулирующую необходимость разумного подхода, при котором в одних случаях государство и права индивидуума, а в других именно община понимаются как институты, способные придать законность социальным инновационным формам человеческого общежития и политического механизма.

В диссертации анализируются современные атомистические тенденции и их влияние на развитие социокультурных отношений в обществе, для чего автор обращается к сегодняшнему Самарканду — одному из древнейших городов региона. Причем — здесь затронуты комплексные проблемы — начиная от градостроительства и связанной с ним экологии, кончая социальным устройством и вопросами морали. В конце XIX в. в этом городе насчитывалось 96 *гузаров* (общин или городских кварталов). Благодаря общинной морали, не позволяющей осквернять воду (в которой запрет на осквернение воды входил в систему нравственно-поведенческих запретов и был очень силен), функционировала знаменитая в прошлом система внутренних каналов и водоемов города. Благодаря этому запрету обеспечивалось решение экзистенциально важной задачи — снабжение чистой водой, и в то же время соблюдалась этическая норма в экологии.

В местной общине был также разработан еще один уровень самоорганизации — совместное планирование и координация будущих действий: так, любому строительству (будь то мечеть, школа или базар) на

территории общины предшествовало длительное обсуждение. Однако сегодня традиционные устои общинного обсуждения уходят под давлением городского администрирования. Горожане вплотную приблизились к «предельной норме» (термин экологов), превысив которую они рискуют остаться без старинных водоемов в грязном «пластиковом» городе, а сам Самарканд, перефразируя Аль-Фараби (873–950 гг.) может превратиться в «город обмана и заблудших». Разрушая древние кварталы и многочисленные резервуары, строя геометрически правильные дороги и здания, люди очень скоро начнут испытывать сильнейший дискомфорт, который может обернуться «трагедией общего». Ранее общинная культура города вносила в строительство бесчисленные «неправильности», однако именно эта обладавшая неотразимой притягательностью кривизна делала город необычайно живым и эмоциональным. Ныне, действуя рационально, т.е. в своих интересах, индивидуумы безвозвратно разрушают среду существования и одновременно собственную культуру. Подобный вандализм (не только в городах, но и в многочисленных горных и степных селениях изучаемого региона) влияет также на отношения в общинах и семьях: исчезают уважение, добрососедство – то, что составляет основу здорового общества. Происходит то, о чем говорил Ницше: «...жрец лишает ценности и святости природу – только такой ценой он продолжает существовать». Складывается впечатление, что с этого жреца берут пример нынешние главы администраций по всей Центральной Азии, пытающиеся путем такого лишения приватизировать общественные страхи и вводящие тем самым атомистические парадигмы.

В третьей главе **«Основные структурообразующие факторы и перспективы развития общины»** представлен анализ развития общинной культуры и ее основных структурных особенностей.

В первом параграфе **«Ценностно-смысловые доминанты традиционно-общинной культуры»** говорится об актуальности восприятия традиционной культуры, исследуются разные социокультурные единицы. Степень верности общинным традициям и вовлеченности в них может быть высокой или, наоборот, незначительной. Однако при любом раскладе важно учитывать, что община издревле и по сей день объективно связывает человека с окружающим его миром, представляя мир ушедших поколений и вселяя в ныне живущих чувство уверенности и

веру в лучшее будущее. Отсюда проистекает возможность трактовать общину как объективный фон человеческого существования, а общинность – как феномен, фиксирующую эту объективную основу.

Понятно, что взгляды наших предков на окружающий мир отличаются от того, как мы воспринимаем его сегодня. Ценность знания в недавнем прошлом измерялась не практичностью, а скорее добродетельностью, которая, в свою очередь, фиксировалась устанавливавшимися традициями. Традиция в исламе, так же как и в раннем христианстве или в Афинах классического периода, означала передачу закрепленных моральных ценностей от одних членов общины другим. Речь идет не о фиксации традиций и даже не об их определенном статусе, так как понятно, что не все люди действуют в соответствии с принятыми в общине правилами. Общинная культура не одобрила бы размышления в духе «не разбив яйца не приготовить омлет», то есть принцип «цель оправдывает средства». Такого рода поведение было бы расценено членами общины как «антисоциальное» и подвергнуто осуждению. С другой стороны, понятно, что естественные традиции всегда открыты – они обусловлены ориентацией на добродетельные качества, которые становятся частью общинной этики благодаря взвешенному, обдуманному подходу и повторению. Традиции в нашем понимании образуют ту самую основу, которая позволяют сохранять и развивать нравственные ценности общины, т.к. «традиционные структуры могут обеспечивать средства, а традиционные ценности – легитимацию для достижения новых целей» (К. Гирц).

В диссертации говорится о значимости циклизма. В отличие от линейных теорий, циклизм не связан с вертикально ориентированным движением – это скорее «горизонтальная» (или пространственная) диффузия. Циклические переходы от одного состояния к другому в известной мере отображают основной принцип бытия – стремление к достижению баланса (равновесия). Иначе говоря, движение происходит тогда, когда противоборствующие стороны сталкиваются, устанавливая новый баланс для перехода на следующий уровень. Именно такой циклический оборот представляет собой возвращение к общинным ценностям. И важную роль в этом процессе играет социальный капитал – феномен, основанный на доверии, общинных моральных ценностях и отработанной системе взаимопомощи. Одним из элементов такого рода

капитала в Центральной Азии является «хашар» (тадж. / узбек. вариант) – общинный сбор для совместной трудовой деятельности.

Социальный капитал актуализируется при правильном учете культур-философских основ общинного самоуправления. В работе анализируется противостояние общины и государства (квази-европейского образца), подразумевающего подчинение и расцветающего в условиях разрушения авторитета всех общественных организаций, включая общину. В такой ситуации сложно говорить о формировании общинной легитимности. В то же время автор не стремится представить государства региона как авторитарные, подчеркивая возможность сохранения и развития общинного самоуправления. Для формирования такого механизма необходимо учреждать / восстанавливать культуру ответственности как самих общин, так и государства.

Параграф завершается рассмотрением проблемы гендерных отношений, которая на протяжении тысячелетий не теряет своей актуальности. Современная культура продолжает изображать человека как независимого и корыстного индивидуума. При этом нейтральное слово «индивидуум» имеет гендерную окраску и на деле ассоциируется с мужественностью. Между тем женщина, хотя и склонна принять формальные правила этики права, готова использовать ее против двух основных патриархальных теорий: 1) теории подчинения женщин мужчинам; 2) теории, согласно которой ответственность за семью несут в основном мужчины. Делается вывод о двойственном статусе женщины, являющемся причиной углубляющегося морального кризиса, связанного с конфликтом между интересами индивидуума и общины.

Во втором параграфе третьей главы *«Перспективы развития социокультурной общинной жизни»* акцентируется внимание на связи между общинами и гражданским обществом. Проблема формирования гражданского общества, с которой многие связывают надежды на прогресс человечества, если ее брать как проблему теоретическую, вновь актуализирует большую философскую проблематику – соотношение общества и государства.

Нецивилизованное государство (в частности, тоталитарное) ведет политику, направленную на разрушение общества, на разрыв многообразных связей между людьми. Оно стремится атомизировать общество – превратить в его в массу изолированных друг от друга людей.

Гражданское общество - это общество, состоящее из социально активных ассоциаций, ощущающих свою социальную ответственность и способных объединить свои усилия для совместного обсуждения и действий. Было бы точнее сказать, что гражданское общество – это совокупность особых самоуправляемых общественных организаций. По своему усмотрению они устанавливают между собой горизонтальные связи, с помощью которых координируют свою деятельность. Они, в силу этого, не образуют иерархической построенной системы, которая – именно в силу своей иерархичности – удачно осуществляет «давление» на человека. Такое общество (если оно учреждено на логичном балансе между традицией и модернизацией) в состоянии перейти от управления, основанного на «праве сильного», к управлению на основе «права на добропорядочность».

Далее автор ссылается на существующую западноцентричность общих понятий, касательно гражданского общества. Успех этого общества на Западе связывают с индустриальной революцией, экономическими импульсами протестантской этики и влиянием капитализма с его культом законопослушания. По этой причине гражданское общество в Центральной Азии долгое время пытались создать «с чистого листа», особенно активно этим занимались западные спонсоры в начале 1990-х. Однако местное гражданское общество не является монолитным, однородным феноменом, нельзя его представлять и как свободную социальную систему. Это скорее, как было сказано, социокультурная сеть связанных друг с другом общин, организаций, ассоциаций и т.д. Включение традиционных общинных единиц в структуру современного гражданского общества на местах может создать иной, менее привычный и одновременно более характерный образ гражданского общества в глазах народов региона.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются основные результаты и намечаются направления дальнейшего исследования социокультурного феномена общинности.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Община в Центральной Азии (диалектика традиции и модернизации в начале XXI века) / Н.Т. Нурулла-Ходжаева. — М.: МГУКИ, 2012. — 369 с.

2. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Гендерные стереотипы: между традицией и модернизмом / Н.Т. Нурулла-Ходжаева. — Душанбе: Ирфон, 2006. — 171 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Модернизация неформальных клановых отношений в государствах Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Серия: Философия и право. — 2007. — № 4. — С. 34–45.

2. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Взгляд на племена Центральной Азии с другой полярности / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 4. — С. 63–70.

3. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Племена Центральной Азии в рамках европейского персонализма / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 5. — С. 39–46.

4. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* От онтологии к эмпирическим проблемам племен по Ибн Халдуну / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 1. — С. 81–87.

5. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Коммуитаризм в Центральной Азии: разные подходы и настоящие истоки / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник таджикско-российского университета. — 2011. — № 3 (34). — С. 191–197.

6. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Потенциал традиции в современном обществе / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Известия Академии Наук Респуб-

лики Таджикистан. Серия: Философия и правоведение. – 2011. – № 2. – С. 53–57.

7. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Монизм Платона и плюрализм Аристотеля / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 63–69.

8. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Община и государство в Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств – 2011. – № 2. – С. 66–70.

9. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Традиция и община в Таджикистане / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Таджикского технического университета. – 2012. – № 2 (18) (VI – 2012). – С. 108–111.

10. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Концепция, оспариваемая по существу/ Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Таджикского технического университета. – 2012. – № 3 (19) (IX – 2012). – С. 114–118.

11. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* К истории социального конструирования пола / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Серия: Философия и правоведение. – 2003. – № 1–4. – С. 127–133.

12. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Немного из истории развития Земельной реформы или уроки из века ушедшего (в сравнительном срезе) / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Серия: Философия и правоведение. – 2006. – № 1–2. – С. 84–97.

13. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Синергетическая традиция в Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 73–79.

14. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Община в мусульманской традиции Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – № 4. – С. 67–71.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

15. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Община и государство в Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // В сб.: Брат мой – враг мой... (СМИ и внутривластные конфликты). КРСУ. Москва-Бишкек, 2011. – С. 222–229.

16. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Клань Центральной Азии в рамке европейского персонализма / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Россия – Фран-

ция: диалоги «на границах» культурных миров: Материалы научной конференции в рамках года Франции в России и России во Франции. – М.: МГУКИ, 2011. – С. 52–61.

17. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Роль местных институтов власти при Советах / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Бизнес и Политика. – 2007. – № 8 (59).

18. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Трансформация социальной политики и гендерное равноправие в Таджикистане / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Центр гендерных исследований Института открытого общества Сороса в Таджикистане. – Душанбе, 2004. – С. 13–17.

19. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Переход от номадизма к монадизму / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Всемирный форум духовной культуры, 18–20 октября 2010, Астана, Казахстан. Сборник статей по материалам Всемирного форума. – Астана, 2011. – С. 226–229.

20. *Нурулла-Ходжаева, Н.Т.* Влияние неоплатонистских и неоплатонистских идей на современные государства Центральной Азии / Н.Т. Нурулла-Ходжаева // Электронный журнал: Биокосмология-неоплатонизм. – Великий Новгород. – Т. 2. – № 3. 2012. – С. 201–210.

21. *Nurulla-Khojaeva, N.* Statehood in the Central Asian region (Оформление государственности в Центральной Азии) / N. Nurulla-Khojaeva // Фокус. – Душанбе, 2001. – № 2. – С. 67–81.

22. *Nurulla-Khojaeva, N.* Gender issues in Central Asia / N.T. Nurulla-Khojaeva // Seminar November 19th, RIKSSCENEN AT SCHOUS KULTURBYGGER in Oslo University. <http://www.diba.no/2010/engelsk.html>

23. *Nurulla-Khojaeva, N.* Knowledge and Creativity in building new international affairs in Central Asia / N.T. Nurulla-Khojaeva // International conference «Knowledge, Creativity and transformation of Societies». Вена, Австрия. 6–9 декабря 2007 (KCTOS). http://www.inst.at/kctos/speakers_n-s/nurulla-khoja_n.htm

24. *Nurulla-Khojaeva, N.* The Migrant / N. Nurulla-Khojaeva // The Men of Global South. A reader. Compiled by Adam Jones Zed Books, 2006. – Pp. 313–319. <http://www.amazon.com/Men-Global-South-Reader-Masculinities/dp/1842775138>

25. *Nurulla-Khojaeva, N.* Individualism and communitarianism in Central Asian republics / N.T. Nurulla-Khojaeva // Post-Soviet States: Two Decades of Transition & Transformation. 1–3 ноября 2011 г. Programme International Seminar Centre for Russian & Central Asian Studies, SIS, JNU (J.Neru Univer-

sity), New Delhi, India. – 1–3 November 2011.
www.jnu.ac.in/Conference/CRCAS_Programme.doc

26. *Nurulla-Khojaeva, N.* Neo-Aristotelian Communitarianism and Central-Asian Sociocultural Evolution / N.T. Nurulla-Khojaeva // 4th International Seminar on Biocosmology and the 3rd International Conference on Comparative Studies of Mind (ICCSM), Chung-Ang University, Seoul, Korea. - December 14-14th 2012. <http://www.biocosmology.ru/4th-international-seminar-on-biocosmology-chung-ang-university-seoul-korea-on-december-14th-15th-2012>

32

Подписано в печать 07.02.2013 г.
Объем 2,2 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 7. Ротапринт МГУКИ